

Наше наследие

ФЕДОР СЕЛЕЗНЕВ

ТРУЦОБЫ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКОГО

Федор Александрович Селезнев — историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и краеведения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Живет и работает в Нижнем Новгороде.

КУЛЬТУРА

Со школьной скамьи Вам, любезный читатель, знакомо величественное здание русской литературы XIX века. Однако автор приглашает Вас не туда. Он зовет Вас в находящиеся чуть поодаль «литературные трущобы» XIX столетия, где ютятся те, кого Розанов окрестил «литературными изгнанниками». Один из них — Всеволод Крестовский, автор «Петербургских трущоб», самого читаемого в позапрошлом веке русского романа. Мы пройдем вслед за Всеволодом Владимировичем по лабиринтам его жизненного пути. Вспомним его книги. Его друзей и врагов. Его Россию...

Родиной будущего жителя литературных трущоб стало имение его бабушки-помещицы — село Малая Березанка Таращанского уезда Киевской губернии. Там 10 февраля 1839 года появился на свет отпрыск старинного, хотя и обедневшего дворянского рода Всеволод Владимирович Крестовский¹.

Детство нашего героя, таким образом, прошло в Малороссии. Отрочество же началось в Петербурге. В 1850 году мальчика привезли в столицу и отдали в 1-ю петербургскую гимназию. Здесь большое участие в судьбе будущего знаменитого романиста принял преподаватель словесности В.И. Водовозов, открывший в своем воспитаннике недюжинный литературный талант. Под воздействием своего наставника Крестовский переводит Горация и Вергилия, начинает писать стихи и рассказы. В 1857 году в журнале «Общезанимательный вестник» увидела свет первая публикация юного автора — перевод оды Горация «К Хлоре».

Водовозов нередко приводил Крестовского на вечера, где собирались столичные литераторы. Летом 1858 года он познакомил начинающего стихотворца (годом ранее, после окончания гимназического курса, поступившего на юридический факультет Петербургского университета) с поэтом Л.А. Меем и членами его кружка (критиком Аполлоном Григорьевым, поэтами К.К. Случевским и Ф.Н. Бергом). Это знакомство во многом определило литературную судьбу Всеволода Крестовского.

Лев Александрович Мей в свое время входил в состав «молодой» редакции «Москвитянина», то есть принадлежал к кругу литераторов консервативно-патриотического направления. Он был великолепным знатоком русской старины. С упоением изучал ее по летописям, древним грамотам, народным преданиям и любовно изображал в балладах и драмах («Песня про боярина Евпатия Коловрата», «Александр Невский», «Царская невеста», «Псковитянка»). Стихи Мея на древнерусские, античные или библейские мотивы поражают филигранной техникой и мастерством стилизации. Они, несомненно, повлияли на лирику Крестовского. (Поэтические стихи признанного мэтра и даровитого ученика были по-настоящему близки. Недаром впоследствии именно Крестовский создал для оперы Римского-Корсакова «Псковитянка» либретто по драме своего учителя.)

Близость к Мею и открытый нрав позволили начинающему автору обзавестись обширными литературными знакомствами. Хороший музыкант и рисовальщик, превосходный рассказчик и чтец-декламатор, мастер стихотворного экспромта, Крестовский быстро приобрел известность в Петербурге. Популярна стала и лирика молодого поэта — гражданская («Владимирка», «Полоса», «Возок», «Кузнец») и любовная (цикл «Испанские мотивы»). Кстати, ее ценили не только в образованном обществе. Баллада Крестовского «Ванька-ключник» с годами стала народной песней, а стихотворения «Под душистою ветвью сирени» и «Прости на вечную разлуку» — распространенными городскими романсами.

Несмотря на то что Мей исповедовал консервативные взгляды, его дом был открыт для литераторов самых разных направлений: от Гончарова до братьев Курочкиных и Чернышевского. (До резкого политического и личного размежевания внутри русской словесности, пришедшегося на 1862–1863 годы, такое было вполне возможно.) Точно так же и молодой Крестовский до поры до времени поддерживал дружеские отношения с либералами и революционными демократами. В 1859 году он сошелся с поэтом-сатириком Василием Курочки-

ным и принял участие в издаваемом им леворадикальным еженедельнике «Искра». Отметим, что долгое время молодой писатель считался среди радикалов почти своим. Некоторые его стихотворения (та же «Владимирка») были написаны прямо в некрасовском духе и воспринимались молодежью как революционные, производя настоящий фурор на студенческих сходках.

Но одновременно Всеволод Владимирович сотрудничал в совершенно противоположном по духу «Искре» «Русском слове». Его владелец, молодой граф Кушелев-Безбородко, большой любитель поэзии и шахмат, дружил с Меем и в 1859 году решил издавать собственный журнал. Редактировать его он пригласил Мея и Григорьева. Начал печататься в «Русском слове» и Крестовский. (Граф покровительствовал талантливому юноше и даже был посаженным отцом на его свадьбе.) Впрочем, вскоре «Русское слово» изменило свой курс. Под влиянием нового редактора, Г.Е.Благосветлова, в журнале все отчетливее стало проявляться революционно-демократическое направление. Мей и Григорьев ушли к братьям Достоевским, в журнал «Время». Там Григорьев, неутомимо проводивший в своих статьях мысль о том, что искусство должно развиваться на живой национальной почве, стал одним из «апоستолов» принявшего эстафету от славянофилов почвенничества. К кругу почвенников (Григорьев, Мей, Страхов, Ф.М. и М.М. Достоевские) примкнул и Всеволод Крестовский. Его стихи, рассказы, повести, фельетоны начинают появляться в органах почвенников («Время», «Светоч»). Но по-прежнему публикуются они и в «Русском слове», а также в умеренно-либеральном «Русском мире» и беспартийно-развлекательном «Модном магазине» — Всеволода Крестовского благодаря таланту и привлекательным качествам характера любили и принимали везде.

Сотрудник «Русского мира» П.В. Быков вспоминал, что Крестовский «производил приятное впечатление своей добротой, незлобивостью, всегдашней готовностью помочь товарищу»². По впечатлению И.К. Маркузе, «Всеволод Владимирович был ма-

лоречив, серьезен и сдержан, не одушевлялся даже в кругу друзей; он прислушивался к тому, что говорили окружающие, сам же если вступал в общую беседу, то лишь для того, чтобы бросить краткое замечание, выраженное сжато и просто. Покашливая нервным коротким кашлем, приобретенным скорее привычкой, чем вследствие какого-либо болезненного недостатка, играя не покидавшим его никогда моноклом, сидел он между собеседниками, всегда внимательный ко всем, приветливый, но необщительный. Таков он был по природе, холодная сдержанность его не была рисовкой, и он не позировал ею, но она была заметна в нем даже в минуты веселого настроения. Это свойство укоренилось в нем, быть может, с детства, проведенного им не в родной семье, вдали от нее, между чужими. Оно, впрочем, не имело ничего отталкивающего, не отчуждало его от общества и не заставляло уходить в самого себя. Напротив того, он любил общество, однако, в силу ли этой сдержанности или вследствие, быть может, застенчивой скромности, стусевывался в нем. Богатая одаренность, живая впечатлительность и артистическая оживленность его заставляли обращать на него внимание, выдвигали его иногда на первый план; но это происходило вопреки его намерению и претило ему. Так, например, он делался быстро в любом салоне тем, что называют «душой общества», читал, рассказывал шутки, пел, но так же быстро утрачивал это преимущество, так как легко уступал первенство другим. Необщительный вообще, он не любил сплетню, не передавал другим ходячих пересудов, за что особенно ценился друзьями, знавшими, что могут на него положиться и что он никого не выдаст³. «Милый, благородный мальчик!» — так напишет о Крестовском в одном из писем хорошо его знавший Федор Михайлович Достоевский⁴.

Для полноты характеристики автора «Петербургских трущоб» следует сказать, что творчество Достоевского, проникнутое пафосом горячего сочувствия к «униженным и оскорбленным», к «бедным людям» Петербурга, всегда находило живейший отклик в чут-

кой и сострадательной душе Крестовского. Доброта, способность сопереживать были отличительными чертами его натуры. Еще будучи ребенком, Всеволод выпрашивал у матери деньги для бедняков, делился всеми лакомствами с детьми дворовых крестьян. Приехав в Петербург, он не мог не обратить внимания на язвы столичной жизни, на вопиющую нищету, соседствующую с вызывающей роскошью, на ежедневно совершающиеся «маленькие трагедии».

Один случай поразил юного студента особенно. Однажды поздно вечером он возвращался от приятеля, обитавшего в районе Сенной площади, и в Таировом переулке (где помещались три дома терпимости) был свидетелем следующей сцены. Рыжий мужчина, по виду отставной солдат, бил полупьяную женщину. Зрители поощряли его хохотом. Полицейский на углу пребывал в полном спокойствии. «Подерутся и перестанут — не впервой!» — отвечал он на обращение Крестовского. Через минуту несчастная была отбита от негодая стайкой своих товарок. Окровавленная, она плакала и произносила самые циничные ругательства, мешая их порой с французскими словами и фразами, выдавая тем самым свою былую принадлежность к «сливкам» общества. Вскоре Крестовский узнал ее историю, которая глубоко запала ему в душу, дав толчок к возникновению замысла романа о людях петербургского «дна». Читатели уже, верно, догадались, что роман этот получил название «Петербургские трущобы»⁵, а жертва происшествия в Таировом переулке выведена там под именем княжны Анны Чечевинской (в телевизионной версии романа эту роль блистательно сыграла Елена Яковлева).

Описанный случай имел место в 1858 году. С этого времени мысль о задуманной книге сделалась самой любимой, самой задушевной идеей Крестовского, и он начал внимательнейшим образом изучать физиологию столицы и ее обитателей.

В самую активную фазу сбор материалов для романа вступил в 1862 году. В течение девяти месяцев, облачившись в грязные лохмотья и выдавая себя за беспаспортного бродягу,

Крестовский исследовал значные места столицы, побывав в самых отвратительных и жутких притонах, где беседовал по душам с нищими, ворами, аферистами и проститутками.

Иногда в этих опасных экспедициях по трущобам Петербурга Всеволода Владимировича сопровождали друзья, например писатель Н.С. Лесков и художник М.О. Микешин — автор памятника «Тысячелетие России». Но чаще всего гидом Крестовского являлся знаменитый сыщик Иван Дмитриевич Путилин.

Это был человек в своем роде исключительный, настоящий виртуоз сыска. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность помогали ему распутывать самые загадочные преступления. Будучи в 1850-х годах кварталным надзирателем, в ведении которого находился самый беспокойный район столицы — Сенная и ее окрестности, — Путилин досконально изучил петербургские трущобы и знал всю подноготную преступного мира, с которой познакомил и Крестовского. Кроме того, Путилин давал молодому романисту для выписок дела сысского отделения. Добавим еще, что генерал-губернатор Петербурга князь Суворов, покровительствовавший писателю, предоставил Всеволоду Владимировичу разрешение на свободное посещение тюрем, больниц и прочих учреждений, а петербургская прокуратура открыла для Крестовского судебные архивы.

На такой строго документальной основе Всеволоду Крестовскому удалось создать настоящую энциклопедию потаенной жизни Петербурга, проведя ошеломленного читателя по тюремным камерам и полицейским участкам, ночлежкам и публичным домам, дешевым трактирам и воровским притонам, психиатрическим лечебницам и секретным убежищам сектантов-хлыстов. Отметим, что в телевизионной версии романа практически весь этот громадный материал остался «за кадром». Создатели фильма воспользовались лишь авантюрной фабулой книги Крестовского. Между тем для самого автора захватывающий сюжет был лишь средством для того, чтобы привлечь внимание массового читателя к не-

человеческому существованию обитателей «дна», способом без прикрас показать Петербургу сытых — Петербург голодных.

В 1864 году «Петербургские трущобы» начали печататься в журнале «Отечественные записки» и сразу вызвали небывалый интерес у читающей публики. Отдельное издание романа разошлось мгновенно. Чтобы получить его в библиотеке, нужно было ждать очереди месяц и более. Массовый характер приняли экскурсии по описанным в романе значным местам («Ерши», «Малинник», «Вяземская лавра»).

Между тем критика встретила «Петербургские трущобы» довольно холодно. Либеральные и демократические издания как по команде отнесли роман к разряду бульварных, не заслуживающих серьезного внимания, пренебрежительно отзываясь как о книге, так и об ее авторе.

Такова была плата за то, что Крестовский осмелился поплыть против течения, порвав с демократическим литературным лагерем. (Разрыв произошел еще в период работы над романом, в 1862–1863 годах.)

Эти бурные годы Крестовский подробно опишет в своей знаменитой и во многом автобиографичной дилогии «Кровавый пух»: хроника Смутного времени государства Российского». (Ее герой Хвалынцев, подобно автору «Петербургских трущоб», пройдет путь от студента Петербургского университета, близко знакомого с революционерами, до офицера русской армии.)

«Кровавый пух» («пух» по-французски «выдумка», «ложь») изобилует авторскими публицистическими отступлениями, в которых живо очерчен ряд общественно значимых происшествий 1862 года. Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно эти события сыграли решающую роль в том, что молодой писатель отошел от круга «Искры» и вообще от «прогрессивного» литературного сообщества.

Первым в названном ряду может быть обозначен «Безрыловский» инцидент, связанный с именем замечательного русского писателя — Алексея Феофилактовича Писемского.

Писемский в свое время вместе с литературными наставниками Крестовского — Меем и Григорьевым входил в молодую редакцию «Москвитянина», а в 1860–1863 годах редактировал «Библиотеку для чтения». На ее страницах, под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов», он начал едко высмеивать радикалов из «Современника» и «Искры». Задетая за живое одним из фельетонов Писемского, «Искра» (как будто ей одной было позволено выбирать предметы для политической сатиры) разразилась пресерьезной и даже угрожающей статьей в адрес Писемского. Причем угроза была далеко не шуточной. Автор статьи Г.З. Елисеев без обиняков предупреждал знаменитого писателя: «Талант, который не имеет искреннего стремления служить общественному делу, не заслуживает никакого уважения, а талант, употребляющий свои силы на разрушение этого дела, достоин полного презрения»⁶.

Впоследствии эта чеканная формула (а «служение общественному делу» в ней, конечно же, понималось как борьба с самодержавием) будет широко взята на вооружение демократической критикой и послужит основанием для того, чтобы держать в «литературном подземелье» Лескова, Писемского, Крестовского, Григорьева, Страхова, даже Достоевского. Но в начале 1860-х, когда тиски «демократической цензуры» сжались еще не столь сильно, у всех ценивших свою независимость писателей такая постановка вопроса должна была вызывать естественное неприятие. И группа литераторов разных политических направлений составила протест против статьи Елисеева.

Подписал протест и Крестовский. Он никак не мог принять жестокую логику своих приятелей из «Искры». («Никита Безрылов написал фельетон, достойный всякого порицания; следовательно, романы и повести г. Писемского и сам г. Писемский должны быть преданы всеобщему поруганию»⁷.)

Следующим эпизодом, сильно повлиявшим на политическое самоопределение Всеволода Владимировича, был конфликт вокруг лекций Костомарова.

Этот выдающийся историк, когда власти закрыли из-за беспорядков Петербургский университет, вместе с другими профессорами начал чтение курса публичных лекций для студентов и всех желающих в здании городской Думы. Лекции пользовались большим успехом. Костомаров читал мастерски. И вдруг от него потребовали прекратить курс. Накануне был выслан в Ветлугу профессор П.В. Павлов, позволивший себе в выступлении на литературном вечере 2 марта 1862 года антиправительственные выпады. И вот студенты (за которыми, конечно же, стояли революционеры) потребовали в знак протеста прекратить публичные лекции в Думе. Большинство профессоров согласилось с молодежью. А вот Костомаров был против⁸.

В назначенный день, 8 марта 1862 года, историк явился на лекцию. Думская зала была полна. Напряжение нарастало. Как только профессор сошел с кафедры, публике было объявлено, что лекции прекращаются. Однако Костомаров тут же вернулся на трибуну и во всеуслышание заявил, что будет продолжать чтение курса. Тут в зале началось нечто невообразимое. Раздались свист, шиканье. В адрес почтенного профессора понеслись оскорбления. Не испугавшись, историк с достоинством ответил: «Эти крики и свистки меня не огорчают; я служу науке и высоко ценю всякую свободу мнений... и не могу сочувствовать этому псевдолиберализму, который пытается насиловать совесть и убеждения других»⁹.

Поведение Костомарова вызвало восхищение Крестовского, который, вероятно, был очевидцем этого эпизода. Во всяком случае, в «Кровавом пуфе» данное происшествие описано красочно и подробно. «В этот день (то есть 8 марта 1862 г. — Ф.С.), — писал Всеволод Владимирович, — совершен был подвиг настоящего гражданского мужества. Против более чем двухтысячной толпы... стоял один человек, не защищенный ничем, кроме своего личного убеждения, кроме непоколебимого, глубокого сознания долга, права и чести...

8 марта показало самым нагляд-

ным образом, чего стоит свобода личного мнения, во сколько ценится независимость убеждения и вообще что значит "сметь свое суждение иметь", и этим-то самым 8 же марта для меньшинства образованного общества поднесло первую склянку отрезвляющего спирта»¹⁰.

Несомненно, под «меньшинством образованного общества» романист подразумевал и себя. Это и ему открыло глаза «8 марта». Окончательный же поворот писателя вправо обозначился в мае 1862 года — после знаменитых пожаров и очередного проявления либерального деспотизма, жертвой которого на этот раз стал спутник Крестовского в хождениях по трущобам Петербурга — Николай Семенович Лесков.

Хорошо знавший петербургское дно и потому прекрасно информированный о многих петербургских тайнах, Лесков в мае 1862 года, сразу после череды опустошительных и загадочных столичных пожаров, опубликовал в «Северной пчеле» статью, которая стоила ему литературной репутации. Будущий автор «Левши» осмелился указать на бродившие по городу слухи, что столицу жгут студенты под влиянием революционной прокламации «Молодая Россия».

Видимо Лесков наступил кому-то на любимую мозоль. Во всяком случае, «литературная общественность», почти вся состоявшая из революционеров и им сочувствующих, сразу же начала травлю писателя.

Сочувствие Крестовского во всех трех вышеописанных эпизодах было на стороне гонимых — Писемского, Костомарова, Лескова. И он не боялся обозначать свою позицию публично. Так, в октябре того же, 1862 года он дал положительный отзыв на готовившийся к публикации роман Писемского «Взбаламученное море», направленный против революционеров, да еще назвал его «вернейшим портретом нашей современной жизни»¹¹. Но за право «сметь свое суждение иметь» пришлось дорого заплатить. Крестовский стал объектом для самых беспрецедентных нападок со стороны радикалов. В частности «Искра», пером стихотворца Д. Д. Минаева, принялась ядовито высмеивать любовную лири-

ку будущего автора «Петербургских трущоб».

Ранее «Испанские мотивы» ни у кого не вызвали упреков в непристойности. Они благополучно проходили цензуру, печатались в уважаемом «Русском мире» и «Русском слове» (времен Благосветлова и Писарева). И вдруг были приравнены чуть ли не к «творениям» Баркова, а Крестовскому прилепили кличку «Всеволод Клубничкин».

И уж совсем преступником, причем не только в глазах редакции «Искры», но и всего революционно-демократического лагеря, Крестовский стал в 1863 году. Тогда началось Польское восстание, и российская демократическая интеллигенция всецело сочувствовала борьбе свободолюбивых поляков за независимость своей родины. Крестовский же полагал, что русский человек не может сочувствовать тем, кто стреляет в русских солдат.

Свое отношение к Польскому восстанию Крестовский выразил в стихотворении «Нет, не в пылу пожаров мир и счастье...», которое стало для поэта в определенной степени этапным, отразив точку зрения почвенников на польский вопрос¹².

Постепенно писатель убедился в том, что примирение с поляками невозможно, а российские демократы являются марионетками в руках польских сепаратистов. И тогда он начал борьбу с польской интригой и ее русскими орудиями. При этом Крестовский использовал самое страшное для врага оружие — сатиру. В 1863 году он помещает несколько ярких фельетонов антинигилистического направления в журнале Аполлона Григорьева «Якорь», активно сотрудничает в сатирических журнальчиках «Оса» и «Заноза». Там одно за другим появляются его стихотворения, а также фельетоны и карикатуры, не в бровь, а в глаз бьющие Благосветлова, Зайцева, Курочкина (радикальных литераторов — членов так называемого общества «Земля и воля», филиала польской тайной структуры, известной как «Централизация»).

Со зловецей и одно время почти всеильной организацией польских революционеров Крестовскому пришлось вплотную столкнуться в 1865—

1866 годах, когда он находился в Варшаве в качестве «члена-литератора» правительственной комиссии по исследованию подземелий польской столицы. Здесь, в мрачных варшавских катакомбах, совсем недавно скрывался «Жонд народовы», подпольное повстанческое правительство, чьи агенты сеяли смерть в городе, убивая русских и тех, кто с ними сотрудничал. Комиссия должна была осмотреть эти страшные лабиринты (подземные ходы, катакомбы костелов, подземелья домов), а Крестовскому поручалось записать и обработать полученные сведения. Излишне говорить, насколько опасной была эта работа.

Еще более рискованным было само решение ехать в Варшаву в качестве члена правительственной комиссии. Этим шагом Крестовский окончательно губил свою репутацию в глазах всех литераторов прогрессивного направления. Чего-чего, а сотрудничества с царской властью, тем более в таком деле, здесь не прощали. Но Крестовский должен был покинуть Петербург. Жизнь здесь стала для него слишком тяжелой.

Много сил отнимало противостояние с лагерем «Искры» и «Русского слова». К этому прибавились еще и семейные неурядицы.

Женился Всеволод Владимирович рано. В 1861 году он вступил в брак с молодой актрисой Варварой Дмитриевной Гриневой, вскружившей ему голову. Через год у них родилась прелестная дочка Машенька (в будущем известная писательница). Чтобы содержать семью, а также помогать деньгами своей матушке, молодой писатель загрузил себя мелкой работой в самых разных изданиях. Университет поэтому пришлось оставить. Журнальные и газетные гонорары (за которыми стоял изнурительный труд Всеволода Владимировича) позволили чете Крестовских жить на широкую ногу, но семейная жизнь у них не заладилась. Финалом череды конфликтов между Варварой Дмитриевной и мужем стал шумный бракоразводный процесс, завершившийся в 1876 году. Но уже задолго до суда супруги жили раздельно, практически не общаясь. Конечно же, эта двусмысленная ситуация угнетала Всеволода Владимиро-

вича, и отъезд в Варшаву для него, кроме всего прочего, был способом уйти из непривлекательной семейной обстановки.

В Польше по долгу службы Крестовскому приходилось тесно общаться с русскими военными. И конечно, волей-неволей он сравнивал офицерскую жизнь с ее суровой простотой, ясным пониманием того, кто враг и кто друг, и нравы петербургского литературного бомонда. Возможно, уже тогда у писателя родилась мысль круто изменить свою судьбу и поступить на военную службу.

Полностью же это решение созрело к 1868 году. В это время прицельный огонь по Крестовскому вел уже весь «прогрессивный» литературно-общественный мир, мстя писателю за его стойкие патриотические убеждения, а более всего — за позицию, занятую Всеволодом Владимировичем по отношению к польскому и русскому революционным движениям. Неудобного передовой интеллигенции писателя травили в литературе и частной жизни, заваливали анонимными письмами, распространяли о нем различные сплетни. Окончательно рухнула и семейная жизнь автора «Петербургских трущоб». Кроме того, он стал испытывать серьезные затруднения с публикацией своих произведений, а значит, и с заработком.

В 1867 году Крестовский предложил свое сотрудничество редактору «Русского вестника» консерватору М. Каткову. Но знаменитый публицист не спешил распахивать дверь в свой журнал недавнему автору нигилистического «Русского слова» и «Отечественных записок» (где, напомним, были напечатаны «Петербургские трущобы»). Тогда Всеволод Владимирович отдал свой новый роман «Две силы» (о революционном Петербурге 1861–1862 гг.) в журнал «Литературная библиотека». Увы, и здесь его ждет неудача. Уже анонсированный на 1868 год роман был запрещен цензурой: слишком острым и правдивым оказалось перо Крестовского, не щадившее ни революционеров, ни чиновников, ни дворянское общество. О том, чтобы отдать роман в «Отечественные записки», не могло быть и речи: этот журнал в 1868 году взяли

в аренду и начали редактировать демократы Некрасов, Салтыков-Щедрин и уже упоминавшийся Елисеев.

И вот тогда Крестовский совершил тот поступок, который произвел настоящую сенсацию в литературном Петербурге. Двадцати восьми лет от роду широко известный писатель поступил юнкером (то есть нижним чином) на военную службу в 14-й Ямбургский уланский полк, размещавшийся в Гродненской губернии. (Уланский полк, очевидно, был выбран потому, что именно в этом роде кавалерии служили отец и дед Всеволода Владимировича.)

Но это не означает, что Крестовский ушел из литературы. Напротив, после 1868 года начинается самый плодотворный период его творчества, когда публикуются наиболее зрелые произведения писателя, в частности дилогия «Кровавый пух: хроника Смутного времени государства Российского», состоящая из романов «Панургово стадо» и «Две силы»¹³.

Поначалу название «Две силы» Крестовский предполагал дать первому роману дилогии. Но затем он переименовал его в «Панургово стадо».

Напомним, что пройдоха Панург — это герой романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Во время морского путешествия Панург повздорил с купцом, везшим партию баранов, и решил ему отомстить. Для этого приятель Пантагрюэля купил у своего обидчика одного барана и бросил животное за борт. Тут же остальные бараны, повинувшись стадному инстинкту, бросились в море. Точно так же, по мнению Крестовского, поступала и русская молодежь, бездумно кидавшаяся вслед за своими вожаками в пучину революции, к вящему удовольствию коллективного Панурга — польских сепаратистов.

Либеральная критика и историография, конечно же, отказывались верить в то, что русских революционеров-шестидесятников направляла польская рука. Но вот спустя сто лет после Польского восстания, к его юбилею, в СССР было издано несколько сборников архивных документов и научных работ, посвященных русско-польским революционным связям¹⁴. Из них ясно видно, насколько сильным было польское влияние на петер-

бургское и московское подполье 1860–1864 годов.

Крестовский же знал об этом не понаслышке. Будучи в 1857–1861 годах студентом Петербургского университета, он видел, как учившиеся там поляки срывали лекции неудобных преподавателей, увлекая за собой своих русских сокурсников. Он был свидетелем и участником студенческих сходок. На его памяти прошла первая крупная студенческая политическая акция вне стен университета, также организованная поляками, — знаменитая панихида в костеле Святой Екатерины 1 марта 1861 года по убитым в Варшаве демонстрантам. А уйдя из университета и став постоянным сотрудником «Русского слова», автор «Петербургских трущоб» прекрасно изучил и высший свет революционного Петербурга, будучи, как мы помним, на короткой ноге с Василием Курочкиным, Благодетелем и другими деятелями «Земли и воли».

Крестовскому пришлось стать очевидцем многих сторон практической деятельности революционеров. Так, например, в январе 1862 года агент Третьего отделения отметил его среди посетителей пресловутого «Шахматного клуба»¹⁵, организованного для любителей древней игры графом Кушелевым-Безбородко, но превратившегося в координационный центр всех противников самодержавия. Там встречались и вели переговоры руководители революционных структур, шла вербовка молодежи и офицеров, всеми возможными способами распространялись антиправительственные идеи.

Завсегдатаями Шахматного клуба являлись все важнейшие деятели революционного Петербурга: Чернышевский, братья Курочкины, Благодетель, Лавров, Утин, Михайлов и другие. Большинство из них изображено на страницах «Кровавого пуха». Григорий Благодетель выведен там под именем Луки Благоприобретова. Основатель Шахматного клуба граф Кушелев-Безбородко показан как князь Сапово-Неплохово. В дилогии фигурирует и Чернышевский, а также другие русские и польские революционеры: А.А. Потебня (Паляница), И.Огрызко (Колтышко), З.Сераковский

(капитан Чарыковский), А.Мацкевич (ксендз Робак).

Одно из центральных мест в «Кровавом пуфе» занимает образ Константина Калиновского (Василий Свитка). С большой долей уверенности можно утверждать, что Всеволод Владимирович лично знал этого известнейшего деятеля польского революционного движения, поскольку оба они в одно время учились на юридическом факультете Петербургского университета. Кроме того, по знаменательному совпадению Крестовскому после поступления на военную службу пришлось хорошо изучить родину Калиновского — Гродненскую губернию, где стоял 14-й уланский Ямбургский полк. Между прочим, вторая часть дилогии была написана в том самом местечке Свислочь, где Калиновский учился в местной прогимназии и где хорошо помнили этого предводителя польских повстанцев.

В «Панурговом стаде» Свитка вовлекает главного героя романа, Константина Хвалынцева, в революционную организацию. В «Двух силах» Свитка-Калиновский также является одним из центральных действующих лиц, вождем партии «красных» в Литве, талантливым пропагандистом «белорусского» сепаратизма (разумеется, с польской подкладкой).

В «Двух силах» события разворачиваются в Гродненской губернии и Варшаве накануне и во время Польского восстания 1863 года. В значительной степени роман основан на личных впечатлениях автора. Во-первых, помогли воспоминания о поездке в главный город Польши в 1865 году как члена правительственной комиссии по обследованию местных подземелий — Варшава и ее катакомбы описаны в романе со знанием дела. Во-вторых, обширный материал для второй книги дилогии дали наблюдения за жизнью Гродненской губернии, беседы с местными священниками, крестьянами, а также полковыми товарищами.

Таким образом, как и «Петербургские трущобы», «Кровавый пуф» написан на строго документальной основе. С первым романом Крестовского дилогию роднит также занимательность сюжета («Панургово стадо» и

«Две силы» читаются на одном дыхании), а также острый социальный подтекст, сочувствие «униженным и оскорбленным». Но на этот раз писатель обращается не к жизни городских низов, а приводит читателя в белорусскую деревню, стонущую под гнетом польского помещика.

Как мы помним, сначала Крестовский хотел дать название «Две силы» первому роману дилогии. Но затем писатель отказался от этого намерения, поскольку оно противоречило бы содержанию романа. Ведь в первой книге дилогии присутствует только одна реальная сила — польская. И только во второй части «Кровавого пуфа» появляется противостоящая ей русская сила. Она представлена фигурой доктора Холодца, спокойного и уверенного в себе реалиста; генералом М.Н. Муравьевым, усмирившим бунтовавшую польскую шляхту; православным священником отцом Сильвестром, которого глумливые польские шляхтичи травят собаками, но он, вопреки издевательствам и гонениям, продолжает помогать угнетенным панями «хлопам». Русская сила в романе — это и сестра милосердия Татьяна Стрешнева, и старый отставной гренадер, стерегущий от надругательств со стороны поляков развалины древнего православного храма в Гродно, и русские офицеры, и крестьяне-белорусы.

К русской силе в конце концов присоединяется и главный герой романа — Хвалынцев. Это происходит в значительной степени потому, что ему пришлось надеть военный мундир и оказаться в офицерском фронтовом братстве. Крестовский так пишет о своем герое: «Он попал в честную армейскую среду... честную по-солдатски и вместе с тем по-человечески; в среду, не умеющую сидеть на двух стульях, не задающуюся выпренными социально-политическими вопросами, но зато свято и неуклонно исполняющую свой долг (как бы он ни был иногда мал и скромн); в среду, всегда умеющую безропотно подставить свой лоб и свою грудь, где потребуют интересы того (для иных, быть может, и странного) принципа, который называется “русским государством”, “русскою землею”; в среду,

умеющую и всегда готовую в то же время протянуть братскую руку помощи и участия каждому несчастному, кто только в ней нуждается»¹⁶.

Строки эти во многом автобиографичны. Ведь и Крестовскому армейская семья протянула руку помощи в самый тяжелый момент его жизни. В свою очередь и Всеволод Владимирович всей душой полюбил армию, став ее преданным бытописателем и историком. Целый ряд его очерков, тепло описывающих полковую повседневность, увидел свет в журналах «Заря», «Нива», газете «Русский мир». Позже они были собраны в книге «Очерки кавалерийской жизни».

Военное начальство (как и однополчане писателя) одобряло литературную деятельность новоиспеченного юнкера, поскольку Крестовский очень серьезно относился к выполнению прямых служебных обязанностей. Кроме того, всем сослуживцам imponировало, что знаменитый писатель не требовал для себя какого-то особого положения и строго соблюдал воинскую субординацию.

Впрочем, Всеволод Владимирович недолго был нижним чином. Вскоре, выдержав экзамен при Тверском кавалерийском училище, он был произведен в офицеры, в свой же Ямбургский уланский полк.

Шефом полка являлась великая княгиня Мария Александровна. Она захотела, чтобы была составлена история этого соединения. И начальство поручает выполнение этой задачи Крестовскому, командировав его в Петербург. После двух лет архивных разысканий этот обширный труд был написан и торжественно вручен великой княгине. В награду за него по распоряжению Государя Всеволода Владимировича перевели в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк.

В 1875 году уже сам Государь Император Александр II лично поручил Всеволоду Владимировичу составить историю лейб-гвардии улан, шефом которых он являлся, что и было с блеском выполнено.

Во время этой работы писатель наткнулся на множество интереснейших фактов из эпохи Павла I, казалось, так и просивших, чтобы их беллетристически обработали и перенесли на бу-

магу в виде исторической повести. Мысль написать художественное произведение о времени Павла подал автору «Петербургских трущоб» генерал М.Г. Черняев. Покоритель Ташкента в это время издавал газету «Русский мир» и жил на даче под Петербургом, той самой, которая в свое время принадлежала фрейлине Нелидовой, фаворитке свергнутого императора. Крестовский, много писавший для «Русского мира» и близко сошедшийся с генералом, часто бывал на этой даче. Навеванные ею образы, так же как и итоги архивных разысканий Всеволода Владимировича, легли в основу исторической повести «Деды», которая с июня по декабрь 1875 года печаталась в «Русском мире», а в 1876 году вышла отдельным изданием.

В 1877 году историко-архивные разыскания и литературные труды Всеволода Владимировича были на время прерваны. Началась война с Турцией, и Крестовский по личной воле Государя (и своим горячему желанию) был командирован в действующую армию. Он редактировал «Военно-летучий листок». (Это издание сообщало фронтовые известия, давало сведения о потерях и наградах.) Кроме того, Крестовский посылал военные корреспонденции в газету «Правительственный вестник» и подробные очерки в журнал «Русский вестник» (после поступления на военную службу он сделался постоянным автором этого журнала). Ему удалось принять непосредственное участие в боях. С согласия командования он был направлен в отряд генерала Карцова и вместе с ним преодолел легендарный Траянов перевал.

Именно здесь русские войска столкнулись с наибольшими трудностями при переходе через Балканы. Был конец декабря, разыгралась вьюга. Пушки пришлось тащить на салазках. Солдаты шли по пояс в снегу. У некоторых шла горлом кровь. Крестовский лично руководил тяжелыми работами по расчистке пути к Траяну, а затем участвовал в ночном бою за вершину перевала, находясь в цепи батальона. Итогом балканской эпопеи автора «Петербургских трущоб» и «Кровавого пуфа» стали два тома очерков «Двадцать месяцев в действующей

щей армии (1877–1878)», вышедшие отдельным изданием в 1879 году, а также боевые награды за отличие при штурме Плевны и при взятии Траянова перевала (ордена Святой Анны, Святого Владимира и Святого Станислава).

Война 1877–1878 годов сделала Крестовского одним из самых известных военных корреспондентов. Оценило его в этом качестве и правительство. Сам Император при чтении корреспонденций Крестовского почти всегда делал пометку: «Читал с особенным удовольствием».

В 1880 году Крестовского пожелало видеть своим корреспондентом уже Морское министерство. Оно ходатайствовало о назначении Всеволода Владимировича секретарем при начальнике русской эскадры на Тихом океане и официальным корреспондентом «Правительственного вестника» и «Морского сборника»¹⁷. Так сбылась давняя мечта писателя о кругосветном путешествии. Свои впечатления от него Крестовский передал в серии путевых очерков, печатавшихся в «Русском вестнике» и составивших книгу «В дальних водах и странах».

После окончания дальневосточной командировки Крестовский отправился в другой экзотический уголок света. В 1882 году давнишний товарищ нашего героя генерал М. Г. Черняев, только что назначенный генерал-губернатором Туркестана, пригласил Всеволода Владимировича занять там должность старшего чиновника для особых поручений.

Самым ответственным из этих поручений стала миссия в Бухаре. Масштабный литератор сопровождал русско-го посла в этот протекторат империи, дав яркое описание внутренней жизни эмирата.

В Туркестане произошли важные изменения в личной жизни писателя. Всеволод Владимирович наконец обрел семейное счастье. Он сочетался законным браком с молодой вдовой бывшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе Евдокией Степановной Лагодой. У них родилось пятеро детей¹⁸.

Старшему, Владимиру, было суждено впоследствии защитить доброе имя отца от клеветы либеральной прес-

сы, обвинившей Крестовского (уже после смерти писателя) в том, что он присвоил текст романа Н. Г. Помяловского «Брат и сестра», издав его под названием «Петербургские трущобы».

Разумеется, если бы в этом обвинении содержалась хотя бы частичка правды, либералы и демократы не замедлили бы поднять шум вокруг этой истории уже в 60–70-е годы. Они бы не упустили возможности втоптать в грязь имя ненавистного им писателя-консерватора. Точно так же родные и друзья Помяловского, конечно же, подняли бы шум в 60-е годы, когда роман был опубликован и находился на пике популярности. Но в том-то и дело, что тогда Всеволод Владимирович мог легко парировать эти абсурдные домыслы. Поэтому клеветники дождались смерти писателя.

Однако у покойного нашлись добрые и верные друзья, вступившиеся за честь своего умершего товарища. Особенно важным было свидетельство И. К. Маркузе, который по просьбе Крестовского стенографировал за ним текст «Петербургских трущоб». Единодушно подтвердили авторство Всеволода Владимировича участники путешествий писателя по петербургскому дну — Н. С. Лесков и М. О. Микешин. С жаром вступился за романиста знаменитый сыщик И. Д. Путилин, написавший: «От первой до последней строчки роман принадлежит Крестовскому. Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним передеваясь в нищенское платье. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сысканого отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как мне»¹⁹.

В защиту Крестовского выступили и другие свидетели. Кроме того, в архиве писателя сохранились рукопись романа и записные книжки с подготовительными материалами к нему. Поэтому клеветникам пришлось замолчать.

Новая атака на доброе имя Всеволода Владимировича была предпринята в 1913 году либеральным критиком и пародистом А. А. Измайловым. Тот, соглашаясь с тем, что большая часть ро-

мана написана Крестовским, настаивал, что 5 (?) «самых талантливых» (?) глав в книге принадлежат перу Помяловского. (Напомним, кстати, что всего в «Петербургских трущобах» 240 глав, составляющих органичное целое.) И вот тогда-то за честь отца вступился его старший сын, обвинивший Измайлова в клевете. По инициативе Владимира Крестовского состоялся третейский суд, который должен был поставить точку в этом деле.

Отметим, что никто из судей не разделял политические взгляды Крестовского-отца. Так, например, в составе суда находился известный историк С.П. Мельгунов, член партии народных социалистов²⁰. Однако факты настолько красноречиво противоречили инсинуациям Измайлова, что суд однозначно отверг все доводы последнего²¹. Так, например, Измайлов утверждал, что один из рассказов персонажа «Петербургских трущоб» «блаженного» Фомушки изобилует церковнославянизмами и, значит (!), был написан окончившим семинарию Помяловским, а не Крестовским. (Как будто в XIX веке церковнославянская лексика не была знакома каждому русскому человеку!) Так вот, суд установил, что данный текст входил в раннюю повесть Всеволода Владимировича «Не первый и не последний», опубликованную в 1861 году, то есть задолго до выхода «Петербургских трущоб» и еще при жизни Помяловского. Таким образом, о заимствовании не могло быть и речи.

Добавим, кстати, что уже в наши дни крупнейший современный исследователь творчества Крестовского — В.А. Викторovich убедительно показал, как у родственников Помяловского могла возникнуть идея о том, что Крестовский присвоил чужой труд. По мнению ученого, до них, возможно, дошли сведения, что Крестовский купил за гроши какую-то рукопись и использовал ее в романе. Такое действительно было. Только вот рукопись эта была написана не Помяловским. Это был сборник тюремной поэзии. Кстати, Крестовский в примечаниях к роману назвал эту рукопись. Сейчас она хранится в Государственном архиве Российской Федерации, где ее и обнаружил В.А. Викторovich²². Еще раз

скажем, что к Помяловскому она не имеет никакого отношения.

Викторovich разбил и последний «железный» аргумент сторонников авторства Помяловского: совпадение клички героини «Петербургских трущоб» — падшей княжны Чечевинской («Чуха») и персонажа не сохранившейся главы «Брата и сестры». Литературовед не исключает, что «Помяловский позаимствовал это имя у Крестовского»²³, а не наоборот. Скорее всего, именно так и было. Ведь именно Крестовский знал о реальной, настоящей «Чухе» и об ее невывдуманной истории.

Вернемся, однако, к прерванному рассказу о жизненном пути автора «Петербургских трущоб». После того как М.Г. Черняев оставил пост Туркестанского генерал-губернатора, Всеволод Владимирович также покинул Среднюю Азию. В 1884 году он был причислен к Министерству внутренних дел.

Нужно сказать, что в императорской России МВД не только следило за правопорядком, но и курировало органы местного самоуправления — в частности, земства и городские думы. Такого рода вопросами и занимался Крестовский.

В 1887 году произошло новое изменение в его служебной деятельности. Всеволод Владимирович был переведен в Пограничную стражу. Главной его обязанностью теперь стали инспекторские поездки по пограничным отделам и бригадам. Как всегда, он полностью отдался новому делу и вскоре за отличие в службе был произведен в полковники.

Последние годы жизни Крестовский провел в Варшаве. В 1892 году легендарный генерал И.В. Гурко, варшавский генерал-губернатор, прекрасно знавший Всеволода Владимировича по войне с турками, пригласил его занять вакантное место редактора русского официоза в Польше, газеты «Варшавский дневник».

Интенсивную служебную деятельность Крестовский, как и раньше, успешно сочетал с литературным трудом. Из-под его пера в этот период вышло большое количество публицистических статей, а также романы «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид».

«Торжество Ваала». (Героиней этой незаконченной трилогии является Тамара Бендавид, еврейская девушка, принявшая Православие).

Действие в «Тьме Египетской» происходит в вымышленном городе Украинске, находящемся на западе Российской империи, в черте еврейской оседлости. Целью автора романа, как отмечали критики, было «показать значение еврейства в русской жизни»²⁴. Отчасти книга основана на личных впечатлениях писателя, хорошо знавшего быт еврейских местечек Западного края по службе в Гродненской губернии. Кроме того, чтобы как можно более достоверно показать психологию своих героев, как основных (Тамара Бендавид и ее отец Соломон), так и второстепенных, Крестовский тщательно изучал религиозные книги и обычаи иудеев, заведя для этого специальные знакомства с раввинами и знатоками Талмуда.

Вторая книга трилогии, в которой главная героиня, Тамара Бендавид, становится сестрой милосердия, описывает события русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Таким образом, и этот роман также основан на реальном фактическом материале, прекрасно известном писателю по личному опыту. Крестовский дал, вероятно, самое яркое и правдивое в русской художественной литературе описание этой войны. Он показал и героическую сторону Балканской кампании, и ее изнанку, описав, в частности, неприглядную деятельность пресловутого «Товарищества Грегор, Горвиц и Коган», которое нажило огромные деньги на интендантских поставках для

русской армии, фактически обкрадывая казну и войска.

Наконец, в завершающем романе трилогии Тамара Бендавид по воле автора оказывается земской учительницей в русской глубинке — Бабьегонском (Весьегонском) уезде Тверской губернии, вотчине либеральных земцев. В этой книге Крестовский вновь возвращается к сюжетам, поднятым им в цикле публицистических очерков «Под владычеством земства», опубликованных в 1885 году в газете «Гражданин» после командировок Всеволода Владимировича по линии МВД в губернии Центральной России. Он пишет о хищениях либералами земских средств, о том, что земская школа всячески стремится привить крестьянским детям враждебное отношение к царю и государству, воспитать их в духе религиозного безверия. Писатель показывает, какими тяжелыми гирями лежат на крестьянском хозяйстве земские платежи.

Последняя трилогия Крестовского вызвала еще большую ярость демократической интеллигенции, чем «Кровавый пух». Она осталась незавершенной. В 1895 году Всеволод Владимирович отошел в мир иной. Творчество же писателя (ставшего волей прогрессистов «бульварным» и «бездарным») на долгие годы оказалось в литературных трущобах.

Впрочем, трущобы эти, где соседние с Крестовским лачуги занимают Леонтьев и Страхов, Клюшников и Авсеенко, Меньшиков и Розанов, где как дома чувствуют себя Достоевский, Лесков и Писемский, из XXI века представляются весьма достойным местом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Основные вехи биографии В.В. Крестовского излагаются по следующим публикациям: *Берг Ф.* В.В. Крестовский // Русский вестник. 1895. № 2; *Викторович В.А.* Крестовский Всеволод Владимирович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1997. Т. 3; *Викторович В.А.* В.Крестовский: легенды и факты // Русская литература. 1990. № 2; *Всеволод Владимирович Крестовский: жизнь и творчество // Крестовский В.В.* Тьма Египетская. Тамара Бендавид. Торжество Ваала. Деды. М., 1993. Т. 2; *Москаленко С.С.* Возвращение // Крестовский В.В. В дальних водах и странах. М., 2002.

2. *Быков П.В.* Былые знакомые лица (Из литературных воспоминаний) // Новое слово. 1913. № 10. С. 33.

3. *Маркузе И.К.* Воспоминания о Крестовском // Исторический вестник. 1900. № 3 / Цит по: Всеволод Владимирович Крестовский: жизнь и творче-

ство // *Крестовский В.В.* Тьма Египетская. Тамара Бендавид. Торжество Ваала. Деды. М., 1993. Т. 2. С. 422.

4. Подробнее об отношениях Ф.М. Достоевского и В.В. Крестовского см.: *Викторович В.А.* Достоевский и Крестовский // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9.

5. Подробнее об этом романе см. в диссертации Г.Н. Кудрявцевой «“Петербургские трущобы” Крестовского в литературной борьбе 60-х гг.» (М., 1977), а также в следующих работах: *Кудрявцева Г.Н.* О жанре «Петербургских трущоб» Крестовского // Проблемы жанра и стиля в русской литературе. М., 1973; *Кудрявцева Г.Н.* Сюжетные ситуации и мотивы романа Крестовского «Петербургские трущобы» // Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII–XIX вв. М., 1975.

6. Искра. 1862. № 5. С. 68 / Цит. по: *Козьмин Б.П.* Писемский и Герцен (к истории их взаимоотношений) // Козьмин Б.П. Литература и история. М., 1982. С. 90.

7. *Крестовский В.В.* Кровавый пух. М., 1995. Кн. 1. С. 465.

8. *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 263.

9. *Юрганов А.* Вехи биографии // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. С. 600.

10. *Крестовский В.В.* Указ. соч. С. 479.

11. *Викторович В.А.* Всеволод Крестовский: легенды и факты... С. 54.

12. Там же. С. 55.

13. Дилогия Крестовского «Кровавый пух» в 1995 году большим тиражом была переиздана издательством «Современный писатель» и имеется в значительной части библиотек России.

14. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962; К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964; Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX века). М., 1967.

15. *Кузнецов Ф.Ф.* Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969. С. 78.

16. *Крестовский В.В.* Указ. соч. Кн. 2. С. 294.

17. *Крестовский В.В.* В дальних водах и странах. М., 2002. С. 17.

18. *Сидоров А.А.* Последние дни жизни и деятельности Крестовского // Русское обозрение. 1895. № 2. С. 891.

19. Всеволод Владимирович Крестовский: жизнь и творчество... С. 421.

20. Русские ведомости. 1914. 17 мая.

21. Официальное решение третейского суда см., напр., в газете «Русские ведомости» от 17 мая 1914 года.

22. *Викторович В.А.* Всеволод Крестовский: Легенды и факты... С. 57.

23. Там же.

24. *Введенский А.И.* В.В. Крестовский // Исторический вестник. 1890. № 12. С. 751.

